

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.18>

UDC 94

LBC 63.3(0)4-99+63.3(6)4

Submitted: 02.06.2023

Accepted: 19.10.2023

ARAB CONQUESTS. VIEW FROM EGYPT

Anton A. Voytenko

Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The reasons for the success of the Arab conquests present a complex problem. It is difficult to explain the victories of the Arab-Muslim troops, which had much less military-demographic potential than neighboring Eastern Roman Empire (Byzantium) and Sasanian Empire. The article is devoted to identifying the main causes of Egypt's loss by Byzantium and its capture by the Arabs. *Methods.* The main research method was factor analysis, which allows to find out all the possible reasons for the success of the Arabs and the defeat of the Byzantines, to identify their internal relationship and hierarchy, classifying them into basic and situational ones. *Analysis.* The study analyzed the influence of the religious factor (Islam for the Arabs, the Christological schism for Egypt), the military potential of the Arabs and the Byzantines (the expected number of troops, the strategy and tactics of the warring parties, the motivation of the armies, etc.), the degree of the consolidation of the elites, public sentiment. Special attention was paid to the route of the Arabs, the role of Patriarch Cyrus (Mukaukus), two attempts to reconquer Egypt by the Byzantines, the system of administration and taxation of the Arabs on the conquered territory. *Results.* The main factor in the defeat of the Byzantines in Egypt can be considered the weak integration of this region into the Empire, as indicated by the unresolved religious issue (Chalcedonian schism), insufficient military contingent, weak social support for the central government, etc. The main reason for the success of the Arabs in conquering and keeping Egypt under their rule can be considered a "symbiosis" of two factors: 1) early Islam, which contributed to the consolidation of society and the elites, gave meaning for the motivation of the army, contributed to the establishment of the *dhimma* system, which provided Christian communities with autonomy in religious matters, and 2) the genesis of the Arab state, which passed at the same time and created real conditions for borrowing managerial and fiscal models, "natural" for the conquered territories.

Key words: late Antiquity, early Byzantium, Byzantine Egypt, Blues and Greens in Byzantium, Cyrus (Mukaukas) Patriarch of Alexandria, Arab conquests.

Citation. Voytenko A.A. Arab Conquests. View from Egypt. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 240-259. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.18>

УДК 94

ББК 63.3(0)4-99+63.3(6)4

Дата поступления статьи: 02.06.2023

Дата принятия статьи: 19.10.2023

АРАБСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ. ВЗГЛЯД ИЗ ЕГИПТА

Антон Анатольевич Войтенко

Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Причины успеха арабских завоеваний представляют собой сложную проблему. Трудно объяснить победы войск арабо-мусульман, на порядки уступавших по военно-демографическому потенциалу соседним с ними Восточноримской империи (Византии) и Сасанидскому Ирану. Статья посвящена выявлению основных причин потери Византией Египта и его захвата арабами. Основным методом исследования был факторный анализ, позволяющий выяснить все возможные причины успеха арабов и поражения византийцев, выявить их внутреннюю взаимосвязь и иерархию, распределив их на базовые и ситуативные. В ходе исследования были проанализированы влияние религиозного фактора (ислам для арабов, христологический раскол для Египта), военный потенциал арабов и византийцев (предполагаемая численность войск, стратегия и тактика воюющих сторон, мотивированность армий и т. д.), степень консолидации элит, общественные настроения. Отдельное внимание было уделено маршруту арабов, роли патриарха Кира (Мукаукиса), двум попыткам реконквисты Египта со стороны византийцев, системе управления и налогообложения арабов на завоеванной территории. Основным фактором поражения византийцев в Египте можно считать слабую интеграцию этого региона в Империю, на что указывает неразрешенность религиозного вопроса (халкидонского раскола), недостаточный военный контингент, слабая социальная поддержка центральной власти и пр. Основной причиной успеха арабов по завоеванию и удержанию под своей властью Египта можно считать «симбиоз» двух факторов: 1) раннего ислама, способствовавшего консолидации общества и элит, давшего смыслы для мотивации армии, санкционировавшего установление системы *зимма*, предоставлявшей христианским общинам автономию в религиозных вопросах, и 2) проходившего в это же время генезиса арабского государства, создавшего реальные условия для заимствования управленческих и фискальных моделей, «естественных» для завоеванных территорий.

Ключевые слова: поздняя Античность, ранняя Византия, византийский Египет, византийские димы, Александрийский патриарх Кир (Мукаукис), арабские завоевания.

Цитирование. Войтенко А. А. Арабские завоевания. Взгляд из Египта // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 240–259. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.18>

Введение. В 2013 г. в ИСАА МГУ прошел круглый стол, посвященный арабским завоеваниям (см.: [3]). Собравшиеся на нем арабисты, византинисты и специалисты по христианскому Востоку пытались найти объяснения причин столь непонятного феномена, производящего впечатление чего-то противоестественного: военно-демографический потенциал соседних государств на порядок превосходил возможности арабов, и тем не менее, за очень короткий срок Восточноримской империи (Византии) было нанесено катастрофическое поражение, а Сасанидский Иран – полностью завоеван. В то же время была отмечена и другая странная особенность: если часть регионов Византии и территорию Ирана арабы смогли захватить относительно быстро, то Магриб они покоряли около 70 лет [3, с. 52]. Данная статья – это продолжение начатого тогда разговора. Ее основной целью будет попытка понять фундаментальные причины потери Византией Египта и его захвата арабами.

Задачи и методы. Основным методом исследования являлся факторный анализ, уже применявшийся в наших статьях (см.: [4,

с. 306]). В данном случае он служил выявлению причин, обеспечивших успешное завоевание арабами Египта, их возможной взаимосвязи и классификации на фундаментальные и ситуативные (случайные), усиливающие или ослабляющие возможность данного события. Так, например, одной из причин победы арабов называют отсутствие у Византии на египетском театре военных действий талантливых и решительных полководцев. Однако в ситуации, когда Византии выпал шанс все «переиграть» и послать в Египет экспедиционный корпус во главе с решительным полководцем Мануилом, его поход все равно закончился неудачей. Это может говорить о том, что недостаточные военные таланты командующих византийской армией в период арабского вторжения – фактор ситуативный, который вряд ли может быть выбран в качестве основного.

Другой важной задачей является отыскание таких факторов, которые служат базовыми для остальных, являющихся производными от них. Нам представляется, что весь спектр причин арабского завоевания Египта можно представить в виде двух больших «кластеров»: 1) почему проиграли византийцы;

2) почему выиграли арабы. При этом стоит отметить, что они лишь частично пересекаются между собой.

Еще одним инструментом исследования служил сравнительный метод. Он важен не только для сопоставительного анализа двух противоборствующих сторон (степень консолидации элит, общественные настроения, военный потенциал, тактика и стратегия сражающихся сторон, роль отдельных акторов и т. д.), но и при рассмотрении персидского и арабского завоеваний Египта как сходных, но в то же время альтернативных событий, произошедших на одной территории в короткий временной промежуток, то есть с разницей примерно в 20 лет¹. В статье также использованы классические методы историко-филологических исследований: например, текстологический анализ, системный метод и др.

Анализ. Среди всех источников по теме наиболее важными являются два: «Хроника» Иоанна Никиусского и «Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса» Абд ар-Рахмана ибн Абдаллаха ибн ал-Хакама ал-Кураши (далее – ал-Хакам)². Оба источника являются крайне сложными для анализа. «Хроника» была составлена миафизитским (феодосианским) епископом Никиу Иоанном предположительно во второй половине VII в., то есть она отстоит примерно на полвека от интересующих нас событий. Оригинал «Хроники» утрачен, дискуссии о том, на каком языке он был написан, греческом или коптском, ведутся до сих пор³. Последовательным сторонником коптского оригинала является Ф. Бут [12, р. 556–557; 13, р. 642; 14, р. 510]. В то же время недавно были актуализированы замечания Г. Зотенберга, что обозначения «прасинов» в оригинале текста могли стоять в косвенных падежах (*πρασίων, πρασσόντων*) [10, с. 79]. Наличие в коптском тексте греческих слов не в номинативе – явный признак того, что оригинал был составлен на греческом. С греческого или коптского текста был сделан сокращенный арабский перевод. На сокращения указывает несоответствие краткого содержания глав (рубрик) и основного текста (см.: [12, р. 559]). Но он тоже не сохранился. С этой арабской «эпитомы» в 1601 г. был сделан перевод на эфиопский (геэз), который дошел до наших дней. Помимо сложностей, объективно

возникающих при интерпретации сокращенного текста, прошедшего через два перевода, «Хроника» содержит лауну (610 – первая половина 640-х гг.), где должны были быть описаны события, связанные с вторжением персов и первым этапом арабского завоевания. При этом в тексте есть перестановки (часть материала глав 111–115 перенесено в главу 117 [14, р. 530]). Также имеют место сбивчивые описания событий (например, приезда патриарха Кира в Александрию после его опалы (*Io. Chron. cap. 119; ср. cap. 120*) [25, р. 191, 195–197]), что может указывать либо на более поздние интерполяции, либо на неудачную попытку самого Иоанна скомпилировать сведения из двух разных источников (ср.: [14, р. 520–536]).

Египтянин ал-Хакам писал свой труд уже в IX в. и его по праву можно считать первым подробным свидетельством арабской исторической традиции о завоевании Египта, дошедшим до нас. «Завоевание Египта» принято относить к литературе *футух* (*futūḥ*), особому синтетическому жанру, включающему в историческое повествование материалы административного, религиозно-правового, философского или назидательного характера. Другое объяснение бросающейся в глаза эклектичности нарратива ал-Хакама предполагает, что его труд сочетает в себе разные исторические жанры (история страны, биография, *хитат* и *фада'ул*) [1, с. 8]. Можно сказать, что его сочинение являет собой завершающую стадию генезиса арабской исторической традиции как перехода исторического нарратива от фольклорной стадии к письменной, но при этом не ориентирующейся на классические античные модели. Основным отличием является принцип построения материала: если византийский историк или хронист заимствует свои сведения из разных источников, не называя их, но стараясь на их основе создать непротиворечивое повествование, то у ал-Хакама изначальные «ручейки» фольклорных преданий, оформленные через цепочки авторитетов (*иснады*), аккуратно монтируются один за другим, даже если они явно противоречат друг другу. Подобные несуразности обычно «снимаются» с помощью традиционной исламской гносеологии («а Аллах знает лучше») (ср.: [1, с. 84, 117, 120, 127, 138, 173, 188, 218]). Насколько нам известно, до сих

пор не существует надежных историко-филологических методов работы с арабским историческим нарративом, сходных, например, с теми, которые были предложены болландистами для раннехристианской агиографии, хотя работа в этом направлении велась (см.: [2, с. 219, примеч. 41]). Другие свидетельства арабской традиции о завоевании Египта имеют гораздо меньшее значение, хотя могут содержать интересные для нас подробности.

Из всего корпуса собственно византийских источников наибольшее значение имеют два произведения, составленные во второй половине VIII – начале IX в.: «Хронография» Феофана Исповедника [18] и «Бревиарий» Константинопольского патриарха Никифора [22; 8]. При этом следует отметить проблемы с хронологией и последовательностью событий у обоих авторов, а также странный провал в сведениях относительно арабских завоеваний по сравнению с более детальным описанием войны с персами.

Историография, непосредственно посвященная арабскому завоеванию Египта, небогата. Не претендуя на полноту охвата всех работ, следует остановиться на самых важных исследованиях. В 1902 г. вышла книга А. Батлера «Арабское завоевание Египта» [16], которая до сих пор остается единственной монографией, целиком посвященной этой проблеме. Британский ученый проделал недюжинную работу по привлечению и сопоставлению разных источников (арабо-мусульманских, копто-арабских, коптских и византийских). Батлеру уже были доступны и «Хроника» Иоанна Никиусского (в издании Г. Зотенберга и в переводе Р. Чарльза [16, р. X–XI, XXIII]) и труд ал-Хакама в извлечениях Г. Вайля и Э. Катремера [16, р. XII]. Одной из главных ценностей работы является подробный и критический анализ данных арабской исторической традиции (что во многом облегчает наши задачи), а также детальная реконструкция хода событий, основанная на взвешенной «гармонизации» источников. Недавние попытки представить книгу Батлера сильно устаревшей [13, р. 641] на проверку оказываются несостоятельными. После выхода книги критике подвергались отдельные ее положения: главным образом, она касалась маршрута и тактики арабов (см.: [13, р. 663]).

Наконец, относительно недавно появились две статьи Ф. Бута, посвященные этой теме [13; 14]. Их автор пытается оспорить некоторые выводы А. Батлера, однако его собственные заключения далеко не бесспорны и вызывают много вопросов. Основным недостатком Бута, на наш взгляд, является то, что в своих рассуждениях он отдает бесспорный приоритет «Хронике» Иоанна Никиусского, пытаясь представить данные ал-Хакама, дающие отличные от «Хроники» сведения, как ненадежные, вместо того чтобы провести взвешенный анализ по сопоставлению всех спорных свидетельств.

В русскоязычной историографии следует выделить главу о завоевании Египта из второго тома «Истории халифата» О.Г. Большакова [2, с. 103–128]. Известный российский арабист, так же как и А. Батлер, пытается детально реконструировать события, делая отдельные замечания относительно причин поражения византийцев. Как нам представляется, он сильно преувеличивает роль «прасинов» и «венетов», по сути делая их политическими партиями [2, с. 106, 111, 112, 114, 117], придерживается устаревшей точки зрения об этническом характере христологического раскола в Египте, где миафизитство для коптов было «своеобразной формой внутренней духовной автономии» ([2, с. 106]; ср.: [1, с. 4]), и высказывает довольно странное мнение об отсутствии в византийском Египте единого командования [2, с. 118, 243, примеч. 44]. В ряде случаев Большаков предлагает отличные от Батлера версии событий (о времени завоевания Фаюма, о причине сдачи Киром Египта [2, с. 108–109, 118]), которые являются не бесспорными.

Прежде чем начать разбор предполагаемых факторов и причин, следует указать на одно важное обстоятельство. После Юстиниана I, старавшегося на все ключевые посты в провинциях ставить представителей центральной власти, со времени Юстина II начинается процесс «регионализации» империи, когда местным элитам стало возможно занимать высшие административные должности в своих регионах (см.: [4, с. 307]). Это обстоятельство важно указать, поскольку очевидно, что оно объективно усиливало процессы децентрализации в провинциях.

В успехе арабских завоеваний одним из основных (или даже основным) называется фактор ислама. Действительно, ранний ислам – важная составляющая часть арабских побед. Он непосредственно влиял и на консолидацию элит (прежде всего, военных), и на мотивированность войска. Ал-Хакам указывает, что мусульманин, убитый на поле боя, попадает в рай [1, с. 92], а Феофан добавляет, что по исламским верованиям в рай идет не только погибший, но и «убивающий врага», а сам рай предоставляет попавшим туда все, о чем только может мечтать пустынный кочевник (*Theoph. Chron.* А.М. 6122) [18, р. 334]. А если иметь в виду, что становление ислама и генезис арабской государственности происходят параллельно, то следует думать, что этот фактор сильно повлиял и на политику в отношении завоеванных христиан, и на складывание системы управления завоеванными территориями. Но при этом нельзя считать фактор ислама всеобъемлющим, поскольку контур предполагаемой военной экспансии арабо-мусульман не совпадает с реальными границами завоеванных ими территорий: например, несмотря на все попытки, им так и не удалось завоевать Нубию и Малую Азию.

Религиозный фактор в Византии имел не консолидирующее, а, скорее, дестабилизирующее значение. Почти двести лет Империя пыталась решить проблему христологического раскола, перепробовав несколько возможных сценариев: от силовых и репрессивных мер в отношении нехалкидонитов до признания *de facto* их автономности, которое по некоторым данным наметилось при императоре Тиберии и позволило феодосианам в конце VI в. сформировать полноценные церковные структуры (см.: [4]). Однако при Ираклии дальнейшее движение в этом направлении свернули, и был реанимирован силовой сценарий унии (назовем ее для краткости монофелитской). Причины такого поворота до конца не ясны, однако А. Батлер предлагает вполне реалистичную гипотезу, объясняющую мотивацию Ираклия: после победы над персами, воссоединения утраченных территорий, возвращения Иерусалима и реликвий Креста, он решил на волне религиозного энтузиазма радикально решить проблему раскола [16, р. 135–137, 174–175]. Но в конечном итоге это

лишь усугубило ситуацию (ср.: [16, р. 156, 158]). Как нам представляется, не стоит доверять оптимистическим заявлениям Ф. Бута о том, что патриарху Киру (Мукаукису) в Египте почти удалось решить проблему [14, р. 512]. Британский ученый просто склонен некритически доверять победным реляциям Кира, а также иным монофелитским документам, и некорректно интерпретировать данные египетских источников о том, что Киру удалось вовлечь в унию часть феодосианского епископата. Мы уже указывали на основную ошибку Бута, который отождествляет епископат с понятием «Церковь» и фактически отказывается другим церковным группам (мирянам, среднему и низшему клиру, монашеству) в субъектности (см.: [4, с. 311]). При действующем феодосианском патриархе, не принявшем унию, позиции феодосианского монашества, ясно выраженной, например, в коптском «Житии Самуила из Каламуна», и особенностях епископской хиротонии в Египте, заменить перешедший в унию епископат особого труда не составляло. Безусловно, сближению не способствовали и те репрессии против миафизитов, которые имели место в ходе войны (*Io. Chron cap.* 117) [25, р. 187]⁴.

Другой, не менее важной проблемой является то, как повлиял двухсотлетний раскол на поведение египетских миафизитов после прихода мусульман. Ранее существовало мнение, что они рассматривали вторжение арабов, как освобождение от «византийского ига» и открыто их поддержали. Свидетельства такого рода можно найти у ал-Хакама: начиная с послания коптского патриарха Вениамина к своей пастве с приказанием «хорошо встречать Амра», до разных примеров сотрудничества с арабами как рядовых коптов, так и представителей коптских элит [1, с. 79, 80, 91, 93, 95]. Однако эту точку зрения убедительно критиковал еще А. Батлер [16, р. 211–212]. Данные ал-Хакама по этому вопросу, скорее всего, весьма тенденциозны. Он писал свой труд в IX в., когда исламские элиты Египта проявляли явные тенденции к сепаратизму, идеологическим обоснованием которого стало подчеркивание близости арабов и коптов, красной нитью проходящее через весь труд египетского историка (ср.: [1, с. 9]). Поэтому ал-Хакамом (или той исторической традици-

ей, которая стояла за ним) реальные случаи коллаборационизма могли быть кратно преувеличены. Более реальными в этом вопросе кажутся данные Иоанна Никиусского, который также пишет о случаях перехода коптов на сторону арабов или симпатиях к ним (*Io. Chron. cap.* 111, 113, 114, 119, 121) [25, p. 179, 181, 182, 189, 201]. Однако его сведения не производят впечатления, что поддержка мусульман со стороны местного населения носила массовый характер (ср.: [16, p. 278–279]). Тем более, что отношение самого Иоанна к исламу достаточно негативное (*Io. Chron. cap.* 114, 121) [25, p. 182, 201]. Как нам представляется, ключевым является следующий эпизод: после захвата Фаюма Амр ибн ал-Ас (далее – Амр) приказал префекту Георгию навести мосты через Нил, «и люди стали помогать мусульманам» (*Io. Chron.* 113) [25, p. 181]. То есть местное население стало помогать арабам после захвата тех областей, где они жили, но не до него. Такой тип поведения, на наш взгляд, свойственен социальным группам, полностью утратившим свою политическую субъектность⁵. Недавние исследования разных редакций «Истории александрийских патриархов» выявили в одной из них тенденцию рассматривать арабов, как освободителей нехалкидонитов (см.: [13, p. 664–665]). Однако нет никаких оснований считать, что эта тенденция адекватно выражает доминантные настроения египетских миафизитов накануне и во время завоевания (ср.: [13, p. 665, note 113]). Поэтому в данном случае правильнее предполагать, что базовой моделью поведения египтян было пассивное отношение как к византийской власти, так и к арабам. В такой ситуации задача удержания территорий целиком ложится на военную администрацию и армию.

Говоря о военном потенциале византийцев в Египте, стоит для начала остановиться на одном примечательном факте. При всей разнице военных потенциалов и тактике ведения боя у персов и арабов, и тем и другим на завоевание Египта в VII в. понадобилось примерно одно и то же время, около двух лет⁶. Мы не имеем точных сведений о численности военного контингента византийцев. Цифра, приводимая ал-Хакамом «более ста тысяч» [1, p. 92, ср. с. 103], представляется силь-

но завышенной и вполне отвечающей особенности арабского исторического нарратива преувеличивать цифры противника и преуменьшать свои (см.: [2, с. 234, примеч. 36]). Однако у арабского автора XV в. Джалалуддина ас-Суйути дается число эвакуированных византийских солдат после сдачи Александрии – 30 тыс. (см.: [16, p. 366–367, note 3]). Ал-Хакам, описывая эвакуацию из столицы Египта, тоже приводит цифру в 30 тыс., но только для «мужчин-румийцев», которым удалось уплыть из города [1, с. 103]. Цифра в 30 тыс. выглядит довольно реалистично. Можно предположить, что примерно таким и был контингент регулярных византийских войск в Египте на момент вторжения. Естественно, что регулярные войска располагались по всему Египту: какая-то их часть находилась на юге, какая-то – в Александрии, остальные, как можно предполагать, были распределены по гарнизонным городам Фаюма и Дельты, таким как Пелузий (ал-Фарама), Билбейс или Никиу. Значительный контингент должен был быть сосредоточен в крепости Вавилон (Балайун), стратегическими воротами между Верхним и Нижним Египтами. Однако гарнизон крепости вряд ли превышал 3 тыс. (см.: [2, с. 110]). Известные нам данные указывают на то, что военный контингент в Египте был способен удерживать территорию в мирное время, обеспечивая безопасность границ от мелких набегов, тогда как более-менее значительное формирование могло «пробить» границу и значительно продвинуться вглубь территории. Любопытные данные на этот счет содержатся в гомилии Шенуте «О нашествии кочевников» (V в.), когда наиболее опасным для Египта направлением был юг. Объединению кочевых племен удалось вторгнуться в Египет с юга и достигнуть города Койс (Эль-Кейс, Кинополь) (*Sin. De Aeth. Inv.* II) [21, p. 68]. В VII в. ситуация повторилась, но теперь уже на восточном направлении. Персы, а затем арабы относительно быстро взяли Пелузий и получили выход на восток Дельты.

По сообщению ал-Хакама войско византийцев состояло из «румийцев» и «коптов» [1, с. 90]. Под «румийцами» здесь надо понимать регулярные византийские части, а под «коптами» – мобилизованных рекрутов. Мобилизация местного населения, в том числе и в

Египте, обычно проводилась византийцами в период военных кампаний или военных вторжений, пример такого рода содержится в «Житии св. Пахомия» (*Vita prima*. 4) [20, р. 3]. Моральный дух и настроения подобных подразделений зачастую были невысокими, иллюстрацией чего могут быть слова ал-Хакама, что копты не хотели сражаться с арабами [1, с. 91]. Конкретный пример такого рода приводит Иоанн Никиусский, описывая битву у Саманнуда (восточный рукав Дельты): при приближении арабов рекруты⁷ отказались воевать (*Io. Chron. cap. 114*) [25, р. 182]. Вероятно, боевой дух регулярных частей был немногим лучше. Византийцам удалось выиграть только одно сражение, как раз у Саманнуда, где командующий войсками Феодор проявил инициативу (*Io. Chron. cap. 114*) ([25, р. 182]; ср.: [2, с. 112]). Все остальные сражения, насколько мы можем судить по данным источников, византийцы проиграли. При бегстве командующего они теряли волю к сопротивлению, что наглядно видно на примерах обороны Фаюма, Антинои и особенно Никиу (*Io. Chron. cap. 112, 115, 118*) [25, р. 181, 184, 188]. В целом можно сказать, что действия византийских войск в большинстве случаев были запоздалыми и реактивными (ср.: [16, р. 224]).

Как нам представляется, сообщениям о численности арабского войска, содержащимся у ал-Хакама, вполне можно доверять. Амр вторгается в Египет с войском численностью 3,5 тыс. или (что более вероятно) 4 тыс. человек [1, с. 76]. В таком составе ему удастся взять Пелузий, Билбейс и продвигаться вглубь по восточному рукаву Дельты. Но уже возле Умм Дунайна (Тендуниас?) Амр запрашивает у халифа подкрепления и получает еще 4 тыс. воинов [1, с. 79]. Возле Вавилона Амр еще раз запрашивает поддержки и получает еще 4 тыс. [1, с. 81]⁸. Таким образом, если взять в расчет особенность арабского исторического нарратива преуменьшать численность своих войск, то можно предположить, что их численность при осаде Вавилона составляла от 12 до 15 тыс. человек (ср.: [16, р. 229]). Это примерная численность арабского контингента, силами которого арабы взяли Фаюм (город), Вавилон, Никиу, Карьюн и осадили Александрию (ср.: [16, р. 472–473]). Естественно, следует учитывать, что в заво-

ванных городах арабы, скорее всего, оставляли воинские гарнизоны, поэтому численность войск, осаждавших Александрию, была несколько меньше.

Ал-Хакам поначалу сообщает, что в походе Амра принимали участие люди племени 'акк. Но позднее мы узнаем, что состав войска не был так однороден: в частности, в его состав входили «неарабские народы» ал-хамра' («народ из румийцев») и ал-фарисийун («народ из персов»). Сами эти народы говорили, что они арабы, но арабы им не верили, опасаясь измены с их стороны [1, с. 150]. Вероятнее всего, речь идет о каких-то арабоязычных или семитоязычных этнических группах, проживавших в границах Византии и Ирана. И здесь следует вспомнить, что Батлер в качестве одной из причин победы арабов называл их «самое близкое расовое родство со значительной частью населения, куда они вторгались» [16, с. 150]. В числе таковых он называет кочевые и оседлые племена, жившие в Византии и Иране и свободно перемещавшиеся «для торговли или войны в сердцевине обеих империй» [16, с. 150]. Можно предполагать, что они хорошо знали географию и общую обстановку там. В Египте такие группы тоже были, прежде всего в Восточной пустыне. Именно они могли помочь арабам, особенно в начале их похода, когда те продвигались к Вавилону. Другой такой группой Батлер считает иудеев (точнее, какую-то их часть) [16, р. 159–161]. Здесь будет уместно вспомнить замечание Феофана, что с возникновением ислама в него перешла часть иудеев, приняв Мухаммеда за истинного Мессию (*Theoph. Chron. A.M. 6122*) [18, р. 333]. Батлер полагает, что основной причиной, по которой иудеи могли помогать арабам, были репрессии против них после освобождения Иерусалима от персов. Спасаясь от насилия, часть иудеев сбежала за Иордан, ожидая лучших времен. Какие настроения были у египетской диаспоры, мы в точности не знаем: ал-Хакам сообщает, что перед вступлением Амра в Александрию ее покинули 70 тыс. иудеев [1, с. 103].

Другой возможной причиной того, что арабы неплохо знали маршруты, по которым нужно двигаться, было то, что часть мусульманской элиты могла ранее посещать Египет по торговым делам. В частности, на это может указывать приводимый у ал-Хакама ле-

гендарный рассказ о путешествии Амра в Александрию в доисламское время ([1, с. 74–76]; ср.: [16, р. 292, note 1]). Имеющиеся данные позволяют сделать вполне определенный вывод, что арабы обладали прекрасной разведкой, а это предполагает наличие определенного числа агентов и осведомителей. Так, они ликвидировали военачальника Иоанна и его отряд благодаря тому, что местный «глава факции» (вероятно, одной из цирковых партий) выдал его местонахождение (*Io. Chron. cap. 111*) [25, р. 179]. Они очень хорошо знали диспозицию византийских войск в сражении при Айн-Шамсе, поскольку зашли к ним во фланг и тыл, что и решило исход сражения (*Io. Chron. cap. 112*) ([25, р. 180–181]; ср.: [16, р. 230–231]). Наконец, расправа арабов над Эскуатусом и «его людьми» в городе Са (?) не выглядит случайной: скорее всего, арабы знали, что они были родственниками военачальника Феодора (*Io. Chron. cap. 118*) [25, р. 188].

Основу арабского войска составляла легкая кавалерия. И арабы выгодно использовали все ее преимущества (скорость и маневренность), применив тактику, к которой византийцы, по всей видимости, не были готовы. Войско арабов могло оперативно разделяться на части, а затем так же быстро соединяться вместе (в частности, это видно из схемы сражения при Айн-Шамсе). Очень хорошая маневренность и координация действий видна в битве при Ком Шарике [1, с. 94]. Даже если в случае с Ком Шариком мы имеем дело с полубогатырским повествованием, это не меняет сути самой тактики: военачальник арабов, поняв, что византийцы сильно превосходят его, выслал конный отряд к Амру за подкреплением, которое оперативно прибыло. Другой особенностью тактики арабов было оставление части укрепленных городов в своем тылу, о чем сообщает Иоанн (*Io. Chron. cap. 112*) [25, р. 180]. Взятие укрепленных городов было наиболее уязвимым местом их военной тактики. У арабов не было хороших осадных орудий (катапульт, стенобитных машин и др.), поэтому они предпочитали выдвигать довольно льготные условия для сдачи по договору, либо вынуждены были брать осажденных измором, отрезая им пути снабжения из хоры, ища скрытые лазейки внутри город-

ских стен или надеясь на предателя. Пелузий, опорный пункт, который нельзя было обойти, арабы, после месяца осады, взяли на «противоходе»: воспользовавшись вылазкой гарнизона и перейдя в контратаку, они на его плечах ворвались внутрь городских стен (см.: [2, с. 105]). В такой ситуации оставление ряда городов не занятыми предстает неожиданной и выигрышной позицией: их сопротивление можно было сломить после взятия основных опорных пунктов Нижнего Египта (таких как Вавилон или Александрия), что в конце концов и произошло. Источники показывают, что в ходе кампании арабы почти всегда владели инициативой. К этому стоит добавить спаянность и мотивированность исламского войска, о котором мы писали ранее. Учитывая, что разница военных контингентов в решающей стадии кампании, скорее всего, была примерно 1 к 2 в пользу византийцев (12–15 тыс. против 30 тыс.), и беря в расчет факт того, что византийский корпус был рассеян по всему Египту (ср.: [2, с. 106]), соотношение сил в основных битвах (Айн-Шамс, Фаюм, Никиу, Теренуфис, Ком Шарик) могло быть примерно равным. В такой перспективе победы арабов не выглядят чем-то чудесным.

С маршрутом движения арабского войска полной ясности нет. На сегодняшний день существуют четыре версии их движения. Первая описана у ал-Хакама, и этот маршрут, по сути, повторяет маршрут движения персов. По этой версии, арабы вторглись в Египет через восточное побережье Средиземного моря, поднялись по восточному рукаву Дельты, затем осадили и взяли Вавилон, после чего двинулись к Александрии. Захватив Александрию, они предприняли поход на юг Египта, заняв по пути Фаюм. При этом ал-Хакам приводит несколько разных версий его захвата [1, с. 187–188]. Это противоречит сведениям Иоанна Никиусского, который указывает, что рейд на Фаюм арабы предприняли ранее осады Вавилона (*Io. Chron. cap. 111–112*) [25, р. 178–181]. А. Батлер предложил свою версию, старающуюся совместить данные ал-Хакама и Иоанна: набег Амра на Фаюм состоялся в мае 640 г., в ожидании подкрепления перед битвой при Айн-Шамсе и перед осадой Вавилона [16, р. 544–545]. Батлер предположил, что таким образом Амр маневриро-

вал, уклоняясь от лобового столкновения с основными силами византийцев в ожидании подхода корпуса аз-Зубайра ибн ал-Аввама [16, р. 225]. Не все согласились с такой интерпретацией событий. О.Г. Большаков фактически вернулся к версии ал-Хакама, посчитав изложение «Хроники» не логичным и склонившись к мнению о том, что ее главы 111–112 «оказались не на месте» [2, с. 108–109]. Наконец, четвертую версию предложил Ф. Бут. С его точки зрения, арабы наступали двумя армиями. Первая армия (условно «южная») вторглась в Египет ранее Амра: либо это был параллельный Амру «оппортунистический рейд», либо армия, отправленная им заранее, с целью выхода в центральную часть Египта и нанесения максимального ущерба обороне ромеев. Эта армия либо пересекла Красное море, либо шла в обход вдоль западного его побережья, а затем через *вади* или дорогу Адриана к восточному берегу Нила. Вторая армия, под командованием Амра, вторглась через Палестину и шла, избегая взятия укрепленных городов, к Гелиополю (Айн-Шамсу). На вершине Дельты обе армии должны были встретиться [13, р. 665–666]. Все доказательства о существовании «южной армии» у Бута основаны на сведениях Иоанна о захвате Бахнасы (который он однозначно отождествляет с Оксиринхом) и указании в «Истории александрийских патриархов» о том, что арабы двигались по горам, под которыми он понимает рельеф Восточной пустыни [13, р. 664–665]. При этом Бут не может сколько-нибудь удовлетворительно объяснить полное отсутствие сведений о походе «южной армии» в арабской традиции *футух* (ср.: [13, р. 667]). При столь шатких основаниях гипотеза о «южной армии» сильно напоминает построения альтернативной истории.

Как нам представляется, наиболее разумной из всех существующих является версия А. Батлера, которая нуждается в некоторой коррекции. Самым непонятным пунктом в «Хронике» является взятие Бахнасы, если отождествлять этот арабский топоним с Оксиринхом. Однако Батлер утверждал, что в Фаюме было место со сходным названием [16, р. 223, note 2]. Другое предлагаемое объяснение состоит в том, что топоним был передан некорректно, и вместо «Бахнаса» его

следует понимать как «Ахнаса»/«Ахнас», то есть Гераклеополь (см.: [2, с. 242, примеч. 11]). Тогда весь маневр арабов локализуется в Фаюме и его окрестностях. Первой целью их рейда в Фаюм, как свидетельствует «Хроника», было пополнение фуража (*Io. Chron. cap. 111*) [25, р. 179]. Второй возможной целью было предотвращение удара византийцев в их тыл с юга. Как свидетельствует «Хроника», в Фаюме или его окрестностях погибло сразу два военачальника по имени Иоанн (*Io. Chron. cap. 111–112*) [25, р. 178–181]: один – командующий рекрутами, другой – предположительно посланный Ираклием возглавить византийские войска Иоанн Барка/Варкайна, о ком есть сведения у Никифора (*Nic. Brev. 23*) [22, р. 70; 8, с. 359]. Иоанн (Барка), вероятно, двигался с юга к Фаюму, но не смог его достичь. Он был остановлен и разгромлен в Гераклеополе: видимо, именно этот город имеется в виду, когда Иоанн рассказывает о гибели «командующего войсками и его товарищей» (*Io. Chron. cap. 111*) [25, р. 179]. После разгрома главнокомандующего арабы разделились с Иоанном, командиром рекрутов, который погиб в результате предательства. Купировав угрозу с юга и соединившись с присланным им четырехтысячным корпусом, арабы отправились навстречу войскам под командованием Феодосия и Анастасия, выдвинувшимся к Айн-Шамсу, и разгромили их. Обезопасив свои позиции с юга и разбив византийский корпус под Айн-Шамсом, вероятно, присланный на выручку гарнизону Вавилона, Амр приступил к полноценной осаде этой крепости, запросив подкрепления, которое прибыло с аз-Зубайром ибн ал-Аввамом. Единственным вопросом, который остается, является дата захвата арабами города Фаюм (Арсинои). Вероятно, он был взят уже после начала осады Вавилона, когда их армия насчитывала 12–15 тыс. человек и могла маневрировать. Похожий по типу, но неудачный по результатам рейд Амр совершил в район Саманнуда, «оставив большой отряд своих людей в Вавилоне» (если, конечно, понимать слова «Хроники» «в Вавилоне» как «у Вавилона», ср.: [16, р. 268, note 1]). Остальные события более или менее согласуются у Иоанна и ал-Хакама, кроме, может быть, странно-го упоминания «Хроники» о походе арабов на

Антиною (*Io. Chron. cap. 115*) [25, p. 184] – однако, исходя из контекста, речь может идти о походе на юг, который арабы предприняли после сдачи Александрии.

Арабские элиты, как военные, так и политические (хотя в истории раннего халифата это разделение практически невозможно), демонстрируют достаточно высокую степень консолидации. Стоит отметить, что почти все военачальники арабов, принимавшие участие в походе и известные нам по именам (Амр, Шарик ибн Абда, аз-Зубайр ибн ал-Аввам, Убада ибн ас-Самит и др.), были асхабами, то есть сподвижниками Мухаммеда, или, по выражению О.Г. Большакова, «старой гвардией ислама» [2, с. 3], где сохранялось сознание единства цели, единства *уммы* и высокая дисциплина, но в то же время при общении и принятии решений у них еще имели место элементы военной демократии. Следует также отметить, что ранний ислам создавал условия для успешного выдвижения талантливых полководцев, которое не зависело от условностей иерархии или интриг двора. Безусловно, одним из сдерживающих это факторов был родовой и племенной принцип. И взаимоотношения внутри исламской элиты в тот период нельзя назвать идеальными. Известна неприязнь халифа Умара к Халиду ибн аль-Валиду, но тем не менее он не мог просто так снять Халида во время военной кампании, хорошо понимая его популярность в войсках (см.: [2, с. 17, 76–78]). Известны разногласия между Умаром и Амром по поводу налогообложения Египта [1, с. 177–180], что в конечном итоге закончилось снятием Амра с должности и назначением на нее Абдаллаха ибн Са'да, молочного брата Усмана [1, с. 191–192]. Однако в критической ситуации реконквисты Мануила Умар снимает Абдаллаха ибн Са'да с должности командующего и вновь назначает Амра [1, с. 193]. Уже отмечалась, что в период войн арабское общество имело высокую степень консолидации, тогда как в период мирных передышек она начинала снижаться [2, с. 3]. То же можно сказать и об элитах. Гибель халифа Умара (по крайней мере, по данным источников) не была результатом внутриэлитного конфликта, тогда как убийство халифа Усмана является своеобразным индикатором противоречий внутри элит, приведших

к гражданской войне (Великой *фитне*). Однако эти события случились уже после покорения арабами Египта.

Уровень консолидации византийских элит был на порядок, а, может быть, и на несколько порядков ниже, чем у арабов. Выше мы указывали на утверждение О.Г. Большакова о том, что у византийцев в Египте не было единого административного и военного командования, им управляли два августала (соответственно Верхнего и Нижнего Египта), имело место «раздробление на автономные провинции» [2, с. 243]. Это утверждение, по нашему мнению, не выдерживает критики. Римская, а затем византийская система управления Египтом всегда предполагала централизованную структуру. Последняя известная нам административная реформа имела место при Юстиниане I: во главе египетских провинций были поставлены дуксы, совмещавшие военную и гражданскую власть, среди которых ведущее место занимал августал Египта и Александрии, при этом все они подчинялись префекту Востока (см.: [9, с. 209]). В период военных действий функции командующего мог брать на себя император. Ираклий лично не возглавил египетскую кампанию: как предполагается, он пребывал в депрессии после сирийского поражения (ср.: [16, p. 162–163, 299–300]). Функции по общему управлению были возложены на патриарха Кира (ср.: [1, с. 57]), а главнокомандующим полевой армией был послан Иоанн Барка, который, как мы знаем, вскоре погиб. После этого главнокомандующим стал Феодор (см.: *Io. Chron. cap. 111*) [25, p. 178–180]. Как можно думать, принцип единоначалия в византийской системе управления Египтом не нарушался.

В данном случае мы имеем дело с определенной чехардой и переназначениями, которые не способствовали консолидации. Одним из примеров такого рода является история с Киrom, который за попытки переговоров о сдаче Вавилона был снят Ираклием с должности и вызван из Египта, но впоследствии вновь туда вернулся. С большой долей уверенности можно полагать, что подобные кульбиты были вызваны турбуленцией внутри столичной элиты, связанной со смертью Ираклия и борьбой за власть его наследников, следствием чего было изменение общего видения

ситуации в Египте. При этом мы находим ясные указания, что итоги переговоров с Амром о сдаче Египта Кир доводил до высших военных чинов (Феодора и командующего рекрутами Константина) и, вероятно, обсуждал их с ними. И только после этого итоги переговоров были доведены до сведения в Константинополе (*Io. Chron. cap. 120*) [25, р. 194]. Следует обратить внимание на еще одно обстоятельство: нерешительность и отсутствие инициативы на местах. В качестве примера можно привести поведение префекта Аркадии Феодосия, который вместо того, чтобы двинуть свои части на арабов, топчется на месте в ожидании исхода их сражения с Иоанном (*Io. Chron. cap. 111*) [25, р. 179].

Военные таланты византийских управленческих элит в Египте оставляли желать лучшего. Основным качеством Феодора, исходя из данных «Хроники», можно назвать нерешительность. Инициативу он проявляет только один раз, в битве у Саманнуда. Полководец Леонтий предстает безынициативным командующим без знания военного дела: прибыв в город Абуит в Фаюме, он вместо того, чтобы помочь Феодору, уходит с половиной войска в Вавилон (*Io. Chron. cap. 111*) [25, р. 179–180]. Но чемпионом по трусости и беспринципности можно считать Доментиана. Сначала он бежит из Абуита ([А]буита), бросая жителей на произвол судьбы (*Io. Chron. cap. 112*) [25, р. 181]. Второй раз он бросает свое войско в городе Кебриас, что приводит к панике и сдаче Никиу (*Io. Chron. cap. 118*) [25, р. 188]. После бегства в Александрию между ним и полководцем Миной вспыхивает ссора из-за оставления Никиу (*Io. Chron. cap. 119*) [25, р. 190], которая является либо катализатором, либо одним из эпизодов серьезной смуты, имевшей место в Нижнем Египте при подходе арабов к Александрии.

При этом мы видим, что, когда события касаются Малой Азии, уровень консолидации византийских элит неуклонно возрастает. У Никифора есть сообщение о том, что при подходе арабских войск и флота на фоне длительной турбуленции, связанной с борьбой за императорский престол, «военные и государственные правители» (*οἱ τε στρατιωτικοὶ καὶ πολιτικοὶ ἄρχοντες*) убеждают не способного справиться с ситуацией императора Феодо-

сия освободить трон и ставят на его место стратига Льва патрикия (*Nic. Brev. 52*) [22, р. 120; 8, с. 371]. Следует отметить и еще одно обстоятельство. Хотя уровень консолидации византийских элит был в интересующий нас период достаточно слабым, в соседнем с ней Сасанидском Иране он был еще ниже. Анализ событий персидской войны Ираклия⁹ показывает, что после поражения персов в Месопотамии в окружении Хосрова созрел заговор, который поддержали византийцы. Таким образом, удачную кампанию Ираклия против персов можно лишь отчасти объяснить его умелой тактикой на театре боевых действий. Значительная составляющая ее успеха, по-видимому, заключалась в расчетливых дипломатических действиях Ираклия по расколу персидской элиты. Ситуация серьезной политической турбуленции продолжается в Иране до вторжения арабов, о чем есть недвусмысленные сведения у Феофана (*Theoph. Chron. A.M. 6120*) [18, р. 329]. После их вторжения мы также видим в Иране признаки серьезных разногласий внутри элит, обычно объясняемых надменностью или скверным характером Йездигерда III. Йездигерд поссорился с правителем Рейи и перебрался в Исфахан, затем такая же история произошла где-то в Фарсе, затем – в Кермане [2, с. 100, 178, 181]. Правитель Мерва не захотел пускать его в город, вызвав ему на подмогу вождя эфталитов. Когда вождь потребовал в обмен за поддержку себе в жены дочь Йездигерда, тот пришел в ярость и крикнул: «Ты осмеливаешься равняться со мной, собака!». После чего шахиншах был вынужден искать убежища на мельнице, где и был убит [2, с. 185–186]. Византийские императоры в подобной ситуации проявляли куда большую гибкость: например, когда Ираклию потребовалась поддержка турецкого царька (*τὸν Τοῦρκων κύριον*) в борьбе с персами, он без колебаний отдал ему в жены свою дочь (*Nic. Brev. 12*) [22, р. 54, 56; 8, с. 355–356].

Одной из наиболее трудных и запутанных проблем в истории арабского завоевания Египта является роль патриарха Кира (Мукаукиса). Можно сказать, что на сегодняшний день в историографии есть определенный консенсус в том, что именно Кир являлся последовательным сторонником капитуляции, даже

если такую позицию вслед за Ф. Бутом называть политикой «умиротворения» (appeasement) арабов [14, р. 520, 522, 540, 550]. В своей статье Бут попытался реанимировать версию некоторых источников о том, что Кир платил дань арабам еще до их вторжения в 639 г. (ср.: *Theoph. Chron. A.D. 6126*) [18, р. 338], которую А. Батлер посчитал «ложными огнями» (false lights) [16, р. 208–209]. Бут полагает, что Кир был отозван из Египта ранее 640 г. именно за эту несанкционированную выплату дани, причем связано это было с вторжением арабов, которое произошло еще до похода Амра 639 года. При этом британский ученый ссылается на «Бревиарий» Никифора, где под 638 г. указано, что Кир «прежде» (ἦδη χρόνος τῆς πρότερον) был вызван в Константинополь по этому делу и попал в опалу (*Nic. Brev. 26*) [22, р. 70; 8, с. 360; 14, р. 517, 521–522, note 77]. Раннее нашествие сарацин на Египет (633 г.) Бут обнаруживает в «Житии преп. Максима Исповедника», где в ходе судебного разбирательства выяснилось, что 22 года назад Ираклий послал претора (στρατηγός) Нумидии Петра в Египет против сарацин ([11, р. 15]; ср.: [14, р. 515]). Однако это сообщение выдернуто Бутом из общего контекста. В частности, на преп. Максима там же возводятся абсурдные обвинения в том, что он «предал сарацинам Египет, Александрию, Пентаполь, Триполи и Африку» [11, р. 15], хотя хорошо известно, когда они были завоеваны. Речь, скорее всего, идет о том, что Ираклий после тяжелого поражения от арабов в Палестине в 634 г. планировал послать войска претора Петра для усиления контингента в Египте, боясь прорыва туда арабов. А преп. Максиму было выдвинуто обвинение в том, что он отговорил Петра так поступать. К тому же Бут противоречит самому себе, когда, интерпретируя данные 12 Послания преп. Максима, говорит, что в ожидании мусульманского завоевания Египта (ок. 636–640 гг.) монахини из двух миафизитских общин в Александрии бежали в Северную Африку [14, р. 544]. Это как раз хорошо согласуется с данными «Жития»: нападения арабов на Египет до 639 г. не было, но его опасность существовала.

Ссылаясь на данные Никифора, Бут почему-то безоговорочно доверяет его хронологии, не замечая очевидных вещей. Ранее

Никифор (под 635 г.) сообщает о посылке в Египет Иоанна Барки и пишет о дани при заключении договора с «саракинским филархом» Амром (Ἀμβροῦ), которое не поддержал Ираклий (*Nic. Brev. 23*) [22, р. 70; 8, с. 359]. Совершенно очевидно, что и в первом (под 638 г.), и во втором (под 635 г.) случае речь идет об одном и том же событии, которое Никифор дает по двум разным источникам, не совсем умело их компилируя. И в первом, и во втором случае фигурирует Амр и странное на первый взгляд предложение Кира выдать ему в жены дочь императора. На самом деле этот «топос» хорошо вписывается в византийский этикет при заключении мирного договора. Бут не учитывает того обстоятельства, что Никифор, также как и Феофан, могли пользоваться источниками, где хронология «от сотворения мира» давалась по двум разным эрам, Александрийской и Византийской, разница между которыми могла составлять 8 лет. Таким образом, перед хронистами стояла сложная задача синхронизации разных версий событий из разных источников, с которой они не всегда умело справлялись. Делать какие-либо однозначные выводы, беря в качестве оселка хронографию Никифора, крайне наивно.

О чем могла идти речь у Феофана и Никифора? Если мы сопоставим эти данные со сведениями ал-Хакама, то вывод напрашивается сам собой. Речь идет о переговорах Кира и Амра в Вавилоне о сдаче крепости (предположительно, октябрь 640 г.), которые вызвали ярость Ираклия и явились причиной отзыва Кира из Египта [1, с. 85–93]. В «Хронике» Иоанна сведений об этих переговорах нет, там лишь кратко упоминается конец истории, когда византийские войска все же были вынуждены заключить с арабами договор и эвакуироваться из крепости (*Io. Chron. cap. 117*) [25, р. 186–187]. В традиции *футух* эти переговоры слились с договором о сдаче Александрии, где указывался и размер налога. В источниках, которыми пользовались Феофан и Никифор, они превратились в уплату дани и попытки заключения мирного договора с принятым в таких случаях предложением «политического» брака.

Другой, не менее важной проблемой, является время возвращения Кира в Египет и те мотивы, которые побудили его или цент-

ральную власть сдать Александрию. Следует согласиться с О.Г. Большаковым в том, что столица Египта могла выдержать многолетнюю осаду: город окружали мощные стены, а подвоз всего необходимого осажденным мог быть осуществлен по морю [2, с. 115]. Но другие его суждения вызывают большие вопросы. Он полагает, что Кир вернулся в Александрию уже в правление императора Константа и его задачей было заключение фиктивного мира, чтобы византийцы получили передышку длиною почти в год и ударили снова ([2, с. 118]; ср.: [19, р. 9]). К сожалению, провал этого плана Большаков никак не объясняет, если, конечно, не считать за объяснение вот такое литературное клише: «Расчеты Кира и его единомышленников оказались опровергнуты жизнью» [2, с. 120]. Подобные утверждения расходятся как с проводимой Киrom политикой «умиротворения» арабов, вызвавшей гнев Ираклия, так и с политикой Константа, предпринявшим как минимум две попытки реконкисты Египта. Если выстраивать события непротиворечиво, то выходит, что Кир должен был приехать в Египет в правление Мартины и ее сына Ираклиона. Сообщение Никифора о том, что он был возвращен на свою родную кафедру (τῷ οἰκείῳ θρόνῳ ἀποκαθίστησι) именно при Мартине (*Nic. Brev.* 30) [22, р. 80; 8, с. 361] подтверждает наше мнение. В «Хронике» Иоанна Никиусского о возвращении Кира сказано крайне путанно, в главах 119–120 явно скопированы два разных источника, и, возможно, перепутаны Пирр и Кир (ср.: [14, р. 522]). Но даже из этого путанного рассказа ясно, что Кир был возвращен на кафедру при Ираклионе, а скончался уже при Константе, хотя Иоанн путает Константа с его отцом Константином III (*Io. Chron. cap.* 119, 120) [25, р. 191, 196].

Возвращение Кира должно было совпасть с изменением вектора византийской политики в отношении Египта, однако совершенно понятно, какую позицию занимали по этому вопросу Ираклий, изгнавший Кира за его капитулянтство, и Константин, пытавшийся отвоевать Египет. Мы в точности не знаем, каким образом возник альянс Мартины-Ираклиона и Кира. А. Батлер предполагает, что Киру удалось убедить их в правильности своей позиции [16, р. 305–306], но, возможно, это было

просто совпадением интересов какой-то части константинопольской элиты в ситуации турбуленции и борьбы за престол.

Намного важнее понять, почему Кир придерживался политики «умиротворения». Однозначного ответа на этот вопрос нет, но наиболее приемлемой (хотя и с оговорками) нам представляется точка зрения Батлера. По его мнению, Кир после сдачи Египта надеялся объединить всех христиан и, вдохновившись примером Иерусалима, с помощью арабов стать единственным патриархом здесь [16, р. 306–307]. Совершенно понятно, что это были иллюзии. Но кое-какие основания для них у Кира все же имелись. Во-первых, его успехи по втягиванию в унию части феодосианского епископата. Во-вторых, торжественная встреча, оказанная ему в Александрии по возвращении (*Io. Chron. cap.* 12) [25, р. 192–193]. Если верить исправлению Ф. Бута [14, р. 543–544], в оригинале 120-й главы «Хроники» Кир выносит крест не из монастыря тавенниситов (как в переводах Р. Чарльза и Г. Зотенберга), а из церкви феодосиан (*tā' odosāwūān*), естественно, тех, кто уклонился в унию. В такой перспективе депрессия Кира, повлекшая его смерть, выглядит вполне логичной. После прихода к власти Константа вектор политики в отношении Египта поменялся, и Кир оказался между многих огней: реконкистой византийцев, частью египтян, которые были недовольны, что арабы не предоставили им обещанной возможности эвакуации, и александрийцами, страдавшими от увеличения поборов (ср.: *Io. Chron. cap.* 121) [25, р. 201]. По мнению Батлера, у Кира перед глазами был пример Кипрского епископа Аркадия, которого император обвинил в измене, хотя, скорее всего, тот был ни к чему не причастен [16, р. 360] (ср.: *Io. Chron. cap.* 120) [25, р. 199].

Еще одним сложным вопросом является роль партий ипподрома («прасинов» и «венетов») в дестабилизации обстановки в Египте, особенно в тех событиях, которые случились после взятия арабами Вавилона. Фрагментарность сведений источников не дает надежных данных для точного определения функций димов в византийском обществе. Не будет преувеличением сказать, что это один из самых трудных вопросов в истории ранней Византии¹⁰. На наш взгляд, наиболее верным

было бы определить их функции как нечто среднее между спортивным клубом и политической партией.

Иоанн Никиусский описывает ситуацию после взятия Вавилона как смуту. Но совершенно очевидно, что она была разнонаправленной, и привязывать разные враждующие между собой группы к «венетам» и «прасинам», руководствуясь только абстрактными представлениями, было бы ошибкой. Впервые о партиях ипподрома (применительно к арабскому завоеванию) говорится в главе 118: Мина, глава партии «зеленых» (то есть «прасинов»), и Косьма, глава партии «синих» (то есть «венетов»), осадили Миср и «преследовали римлян во дни мусульман» (*Io. Chron. cap. 118*) [25, p. 187–188]. В главе 119 говорится, что одна группа враждующих выступала за продолжение войны с арабами, другая – за подчинение им. У жителей Мисра вспыхнул конфликт с «жителями Нижнего Египта», который вскоре закончился (вероятно, это продолжение истории из главы 118).

Далее смута переместилась в Александрию, где, как мы уже указывали, начинаются конфликты внутри военных и гражданских элит. Мина, сочувствующий миафизитам, враждует с Доментианом. Мину поддерживает Феодор. И тут мы опять узнаем о партиях ипподрома: Доментиан набрал большой отряд «венетов», Мина – «прасинов». Так они поддерживали свою враждебность (*Io. Chron. cap. 118*) [25, p. 189]. После следует рассказ, как Доментиан с помощью «венетов» защищал Филиада, префекта Аркадии (вероятно, сменившего Феодосия), от самосуда толпы (*Io. Chron. cap. 119*) [25, p. 190]. Безусловно, вражда партий ипподрома могла быть «тлеющим» фактором дестабилизации даже в VII в., особенно в восточных провинциях Империи. Об этом у нас есть свидетельство св. Анастасия Синаита, современника Иоанна Никиусского. В «Вопросоответах» он сообщает, что если сегодня уйдут сарацины, то завтра же Восток, Аравия с Палестиной и многие другие области (χώρα) пробудят в себе «прасиновенетство» (ἀνευείρονται τὸ πρᾶσινοβένετον) и перебьют друг друга (*An. Sin. Q. 65.4*) ([24, p. 117]; ср.: [12, p. 584]). И тем не менее данные «Хроники» ясно указывают на то, что в Египте в интересующий

нас период роль партий ипподрома была вспомогательной. Они служили инструментом выяснения отношений внутри элит.

Анализ двух попыток возвращения Египта со стороны Византии, а также ситуации после них дает довольно интересные результаты. На наш взгляд, эти события крайне недостаточно освещены в историографии. В «Хронике» о событиях реконквисты не сказано ничего, кроме событий, которые ей предшествовали: глава Александрии Мина перестарался со сбором налогов, за что был смещен Амром (*Io. Chron. cap. 121*) [25, p. 200–201]. Также там содержатся другие интересные нам сведения. Амр год¹¹ покорял Северный (то есть Нижний) Египет, где в качестве объектов, оказавших сопротивление, названы города Дельты: Саха, Тух, Дамсис и Дамиетта (*Io. Chron. cap. 115*) [25, p. 183]. Судя по контексту, это происходило уже после подписания договора о сдаче Египта (ср.: [16, p. 356–357]). Ал-Хакам сообщает о покорении силой городов Дельты: аль-Хайса, Балхиба, Султайса, Картаса, Сахи и Масила [1, с. 103–104, 108]. Можно думать, что сообщения ал-Хакама являются «эхом» событий, связанных с сопротивлением части городов Дельты, которое мы находим у Иоанна. Не менее интересен рассказ о разрушении селения ал-Хирба (Хирбат Вардан) за партизанские действия. Селение также находилось в Дельте и, возможно, было христианским монастырем [1, с. 195].

Около 645 г. в Египет на кораблях к Александрии был послан большой экспедиционный корпус во главе с военачальником Мануилом (ал-Хаси). В Александрии к нему присоединились горожане (то есть «румийцы, которые были там»). Византийцы выбили оттуда арабский гарнизон и начали продвижение по Дельте. Их поддержали восставшие жители «селений». Далее у ал-Хакама сказано, что византийское войско занималось грабежом тех селений, через которые проходило. Но рассказ египетского историка в этом месте может быть тенденциозным: не исключено, что он таким образом описывает акции по пополнению византийцами фуража (хотя случаи мародерства также могли иметь место). После вторжения Мануила халиф Усман сменил военное руководство арабов: снял Абдаллаха

ибн Са'да и назначил Амра. Войско византийцев носило смешанный характер («румийцы и копты»). Финальная битва состоялась под Никиу, причем инициатива сражения принадлежала византийцам. Поначалу им удалось нанести поражение арабам. Далее рассказ о сражении впадает в «эпическое» описание поединка двух воинов, который и принес арабам победу, поэтому об истинных причинах поражения византийцев можно только догадываться. Мануил был убит, а византийский корпус в конце концов покинул Египет [1, с. 192–194, ср. 195–196].

Самое важное в рассказе ал-Хакама – это сообщение о поддержке византийцев частью населения Александрии и частью поселений Дельты. Собрав все имеющиеся у нас данные вместе, можно полагать, что социальной опорой византийской власти в Египте (помимо военного контингента, гражданской и военной администрации) было население Александрии (или какая-то его часть) и часть городов Дельты (ср.: [16, р. 486–487]), вероятно, интегрированных в Империю через морскую торговлю. При этом совершенно понятно, что удержать Египет с такой слабой социальной поддержкой византийцы вряд ли могли даже при хорошем и инициативном командующем. Арабы же очень быстро извлекли уроки из произошедшего: они разрушили стены Александрии [1, с. 193, 194], усилили ее гарнизон и решали задачи по строительству флота (ср.: [1, с. 193, 210–211]).

Вторая попытка византийской реконкисты (ок. 654 г.) в арабской традиции получила название «битвы мачт» [1, с. 208–210]. Она также закончилась провалом. У ал-Хакама содержатся два совершенно разных рассказа, которые А. Батлер объединяет в один [16, р. 489]. Констант (у ал-Хакама ошибочно – Ираклий) послал в Александрию новый экспедиционный корпус, который либо проиграл морскую битву, либо погиб во время шторма. Далее ал-Хакам приводит известную из византийских источников историю об убийстве Константа на Сицилии (см.: *Nic. Brev.* 33 [22, р. 84; 8, с. 362], *Theoph. Chron.* А.М. 6160 [18, р. 351]), но связывает его с поражением египетской экспедиции [1, с. 210]. Самое важное в данной истории – это сообщение о том, что навстречу кораблям византийцев уже вышел

арабский флот, правда, сильно уступающий им по численности [1, с. 208–209].

События последующих ста лет ясно указывают на то, что прочерченная в ходе арабских завоеваний граница – это линия, разделявшая реальные сферы влияния Византии и халифата. Попытка византийцев подчинить Карфаген терпит неудачу (*Nic. Brev.* 41) [22, р. 98; 8, с. 366] (*Theoph. Chron.* А.М. 6190) [18, р. 370], в Месопотамии им удается временно занять один город (*Nic. Brev.* 67) [22, р. 138; 8, с. 376]. В то же время все усилия арабов овладеть с разных сторон Малой Азией оказываются безуспешными (*Nic. Brev.* 34, 52–53, 61) [22, р. 84, 86, 120, 122, 124, 130; 8, с. 362–363, 371–372, 374], (*Theoph. Chron.* А.М. 6205, 6218, 6222, 6226) [18, р. 383, 404–406, 409, 410]. Анализ данных Феофана и Никифора указывает на то, что арабские кампании в Малую Азию с течением времени все более и более превращались в приграничные набеги, цель которых не завоевание территории, а захват добычи. Их квинтэссенцией могут быть слова Феофана о походе Салима в Каппадокию (середина VIII в.): узнав, что византийский император вооружился против него, он убоился и возвратился назад без успеха и не причинив опустошений (*Theoph. Chron.* А.М. 6248) [18, р. 430].

Нам осталось проанализировать систему управления и налогообложения, введенную арабами в Египте. Мы уже отмечали, что ранний ислам повлиял и на политику в отношении иноверцев, и на становление административной системы. Ключевым для религиозной политики был институт *зимма* или договора, где завоеватели брали на себя обязанности по защите населения, требуя взамен налог, а частичное поражение христиан в правах компенсировалось предоставлением им (прежде всего, миафизитам) автономии в религиозных делах. Если посмотреть на развитие миафизитских структур в Египте на протяжении второй половины VI в., то доминантой его развития как раз и было создание структуры, полностью автономной от Константинополя (см.: [6, с. 404]). В этом смысле намерения завоевателей и завоеванных совпадали. У ал-Хакама есть полулегендарный рассказ о компенсации «жителям селений», не нарушившим договора, того ущерба, который был им при-

чинен византийцами во время первой попытки реконкисты [1, с. 194]. Рассказ интересен, прежде всего, с точки зрения арабской ментальности: важной для традиционных обществ верности условиям договора.

Вторым важным фактором являлось то, что привлечение «зиммиев» в административные структуры было санкционировано исламом. Основой для этого могла послужить традиция о предсмертных словах Мухаммеда о коптах, которые будут мусульманам помощниками в религии, поскольку избавят их от забот этого мира, чтобы у мусульман было время для религиозного поклонения (см.: [16, р. 436, note 2]). И у ал-Хакама, и у Иоанна есть примеры того, что административные посты в Египте после арабского завоевания занимают прежние чиновники, как копты, так и «румийцы» (*Io. Chron. cap. 113, 121*) [25, р. 181, 200–201; 1, с. 207, 255].

Выше мы отмечали и еще одну особенность. Процесс складывания арабской государственности шел параллельно с периодом арабских завоеваний. В частности, по мнению О.Г. Большакова, «патриархальная эпоха» в истории халифата закончилась вместе с гибелью Усмана [2, с. 4]. Наиболее рациональной моделью поведения в такой ситуации является полное (или почти полное) заимствование на завоеванных землях прежней системы управления и налогообложения вместе с ее носителями. Естественно, что при этом она должна быть поставлена под контроль завоевателей. На сегодняшний день достаточно фактов для понимания того, что арабы именно так и поступили (ср.: [2, с. 124]). В частности, ал-Хакам пишет, что Амр «назначил румийцев сборщиками налогов у коптов» [1, с. 171]. Данные ал-Хакама говорят о том, что принципы земельного налогообложения почти полностью копировали прежнюю систему, при этом от налогов освобождались церковные земли [1, с. 171–172]. В нарративе ал-Хакама следование местной традиции оформлялось в том числе и как советы ал-Мукаукиса [1, с. 179–180]. Ономастика папирусов также подтверждает, что административными чиновниками на местах были не арабы (см.: [1, с. 10]).

Отдельный вопрос составляет размер налога с завоеванного населения. Ал-Хакам дает некоторые общие цифры: Амр собрал

12 млн (динаров), Абдаллах ибн Са'д, увеличивший размер фиска, – 14 млн, а ал-Мукаукис (то есть конец византийского правления. – *А. В.*) – 20 млн [1, с. 179]. Данные ал-Хакама могут быть неточными, особенно в отношении Византии, но, скорее всего, они верно отражают тенденцию. Поэтому следует предположить, что размер налога в начале правления арабов был не выше, чем византийский, а, вероятно, даже ниже. В то же время у Иоанна Никиусского описаны отдельные эксцессы, связанные с увеличением налогового бремени (*Io. Chron. cap. 113, 120, 121*) [25, р. 182, 199, 200–201]. Но можно предположить, что в описываемый период они носили временный или случайный характер, а описания Иоанном страданий египтян от гнета (*Io. Chron. cap. 120*) [25, р. 195] относятся к общественным работам по восстановлению канала Траяна, соединяющего Нил с Красным морем. Но подобные повинности не были для Египта чем-то принципиально новым.

Результаты. Проведенный анализ позволяет утверждать, что основным фактором отпадения Египта (а также, вероятно, Палестины и Сирии) была недостаточная интеграция этого региона в Византийскую империю. Начавшийся после Юстиниана I процесс «регионализации» мог значительно ухудшить ситуацию. На слабую интеграцию Египта указывает как оставшийся нерешенным религиозный вопрос, являвшийся дестабилизирующим фактором на этой территории и приведший к пассивности египтян, так и недостаточный военный контингент, способный отражать плохо организованные набеги на границах, но не справлявшийся с организованным вторжением. Данные источников о ходе арабских завоеваний и попытке реконкисты указывают на то, что византийская власть на момент завоеваний обладала слабой социальной поддержкой в Египте (часть населения Александрии, часть городов Дельты), явно недостаточной для удержания региона в условиях серьезно внешнеполитического «вызова».

Индикатором слабой интеграции региона в Империю может служить факт его завоевания персами за двадцать лет до вторжения арабов. При всей разнице военной тактики персов и арабов и тем и другим на завоевание Египта понадобилось около двух лет.

Возвращение византийцами Египта из-под власти персов объясняется низкой степенью консолидации персидских элит, позволившей византийцам для достижения успеха действовать комбинированно, то есть одновременно и военными и дипломатическими средствами. При высоком уровне консолидации арабо-мусульманских элит в период завоеваний такой сценарий в их отношении был невозможен. Если брать в расчет гипотезу А. Батлера о причинах политики патриарха Кира по «умиротворению» арабов, то она также представляет собой попытку решить проблему церковного единства в Египте независимо от византийского центра.

Сравнительный анализ показывает, что области Малой Азии демонстрируют гораздо большую степень интеграции, индикатором чего являются безуспешные попытки арабов захватить эти территории, тогда как неудачные попытки византийцев вернуть Египет, провал их экспедиции в Карфаген, скромные и временные их успехи в Месопотамии указывают на реальные границы сфер влияния Византии и халифата. Не ясным до конца вопросом остается время и степень интеграции той части Византийской империи, которая отразила натиск мусульман. Есть основания предполагать, что интеграция этих территорий в целом завершилась накануне серьезных для Империи испытаний. С. Метивье в своей монографии, посвященной ранневизантийской Каппадокии, в опровержение известного тезиса о том, что эта провинция уже с IV в. была регионом, где безраздельно доминировали имперские институты, пишет: «Конфигурация Византийской империи, сформированная в Малой Азии ударами арабо-мусульман, как можно полагать, явилась результатом длительного процесса, начавшегося со времени арианского кризиса, основания Константинополя, переселения императора в город Константина и формирования Константинопольского патриархата» [23, р. 428]. Отпадение Сирии и Египта в этой ситуации «сняло» для Империи проблему миафизитов и помогло через VI Вселенский Собор прийти к «халкидонскому консенсусу» (ср.: [14, р. 550]). Однако следует иметь в виду и точку зрения П. Брауна, что позднее императорами-иконоборцами была также проделана большая работа по дальнейшей цент-

рализации страны, связанной с устранением альтернативных центров силы, поскольку Империя в создавшихся условиях уже не могла себе позволить быть «содружеством городов», а чувства местного патриотизма стали опасно центробежными (ср.: [15, р. 277, 281]).

Успех арабов по завоеванию и удержанию под своей властью Египта (и, возможно, других регионов Византии) определяется «симбиозом» двух факторов: а именно тем, что становление ислама совпало у них с генезисом государства. Ранний ислам способствовал консолидации общества и элит, дал смыслы для мотивации армии, повлиял на выработку поначалу успешной религиозной политики, предполагающей значительную автономию у подчиненных арабам христианских общин. А параллельный генезис государственных институтов создал реальные условия для взаимодействия и быстрого освоения тех управленческих и фискальных моделей, которые были «естественными» для завоеванных территорий. Вероятно, этот же «симбиоз» способствовал быстрой обучаемости арабов и принятию ими правильных тактических решений. А именно они, по нашему мнению, позволили арабам использовать все преимущества легкой кавалерии, скрыть городские стены Александрии, лишив, таким образом, византийцев выгодного плацдарма для попытки реконкисты, и быстро создать флот, купирующий такие попытки в принципе.

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаем сердечную признательность П.В. Кузенкову (СевГУ) за его ценные советы в ходе нашей работы над статьей.

ACKNOWLEDGMENTS

I express my heartfelt gratitude to Pavel Kuzenkov (Sevastopol State University) for his valuable advice during my work on the article.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее мы стараемся придерживаться хронологии А. Батлера: вторжение персов в Египет произошло осенью 616 г., арабов – в декабре

639 г. [16, p. 505, 544]. В современной историографии сложился определенный консенсус относительно даты вторжения персов в Египет: весна 619 года. Однако сложно себе представить, что персы завоевали Египет за один год, поскольку тем же годом принято датировать сдачу Александрии. Батлер уже указывал на основную ошибку «авторов, описывающих этот период» не различать вторжение персов в Египет и взятие ими Александрии [16, p. 503]. При отсутствии надежных документальных источников, это подтверждающих, принятая дата вторжения персов (619 г.) остается, скорее, продуктом конвенционализма.

² При написании арабских географических названий и имен собственных мы (за редкими исключениями) не используем принятых в арабистике транскрипций для обозначения «хамзы» и «айна», а также диакритических знаков для фонетических особенностей гласных и некоторых согласных. При анализе «Хроники» Иоанна Никиусского мы опираемся на английский перевод Р. Чарльза [25], но принимаем во внимание коррекцию некоторых мест, сделанную Ф. Бутом (см.: [12; 13; 14]). При анализе текста «Завоевания Египта» ал-Хакама мы опираемся на русский перевод С.Б. Певзнера [1].

³ Необычную точку зрения высказал ее издатель Г. Зотенберг. Поначалу он утверждал, что оригинал был написан на греческом, но потом пришел к выводу, что часть глав была составлена по-коптски (см.: [12, p. 556–557]). Ни одного другого такого случая в христианской литературе Египта нам не известно, также как нам не понятна мотивация автора, пишущего часть книги по-гречески, а другую часть – по-коптски. Но вполне возможна ситуация, когда оригинал, написанный по-гречески, был довольно быстро переведен на коптский, и уже с коптской версии был сделан арабский перевод.

⁴ Мы не включили сюда упоминание Иоанна о репрессиях против гайянитов (*Io. Chron. cap. 116*) [25, p. 186], поскольку это было наказание за мятеж против патриарха Кира, причины и обстоятельства которого не совсем ясны.

⁵ Полная утрата египтянами политической субъектности, как мы предполагаем, произошла в римское время (см.: [5]).

⁶ А. Батлер датирует взятие персами Александрии зимой 617/618 г., а полное завоевание Египта – 618 г. [16, p. 501–504]. По его мнению, капитуляция Александрии перед арабами имела место в ноябре 641 г., полная эвакуация византийских войск из Египта – в сентябре 642 г. [16, p. 544–545]. При этом следует отметить, что дата окончания персидского завоевания дискуссионна: высказывалось мнение, что верхней хронологической границей захвата областей Верхнего Египта следует считать 621 г., при этом захват Александрии, как мы

указали выше, принято датировать 619 годом. Однако сдвиг на год или два в данном случае принципиально ничего не меняет.

⁷ Р. Чарльз уточняет, что эфиопское слово, здесь стоящее, может означать *militia* или *turba militaris* [25, p. 182, note 2].

⁸ Ал-Хакам дает и другую цифру: в Вавилон во главе с аз-Зубайром ибн ал-Аввамом было послано 12 тыс. человек [1, с. 82]. Скорее всего, здесь имеет место путаница: цифра общего количества войск под Вавилоном превратилась в число войск, посланных халифом на подкрепление к Амру.

⁹ В данном случае мы опираемся на пространные комментарии в английском переводе «Пасхальной хроники», где предпринят анализ персидской войны на основе всех имеющихся данных [17, p. 184–185, notes 485–486].

¹⁰ По нашему мнению, статья М.В. Левченко [7], где описан полный спектр мнений о партиях ипподрома в историографии, еще не потеряла своей актуальности.

¹¹ В эфиопском оригинале стоит 12 лет. Однако Р. Чарльз, разделяя мнение А. Батлера, исправил 12 лет на 12 месяцев [25, p. 183].

REFERENCES

1. Pevzner S.B., ed. *'Abd ar-Rahman ibn 'Abd al-Hakam. Zavoevanie Egipta, al-Magriba i al-Andalusa* [Ibn 'abd al-Ḥakam. The History of the Conquest of Egypt, North Africa and Spain]. Moscow, Nauka Publ.; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1985. 353 p.
2. Bolshakov O.G. *Istoriya Khalifata. V 4 t. T. 2. Epokha velikikh zavoevaniy (633–656)* [History of the Caliphate. In 4 vols. Vol. 2. The Period of Great Conquests (633–656)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. 294 p.
3. Voytenko A.A. *Kruglyy stol: «Pochemu udalis arabskie zavoevaniya? Analiz voennykh i sotsialno-politicheskikh faktorov, obuslovivshikh uspekhn musulmanskoj ekspansii VII veka»*, ISAA MGU, 23 aprelya 2013 [Round Table: “Why Did the Arab Conquests Succeed? Analysis of the Military and Socio-Political Factors that Determined the Success of the Muslim Expansion of the 7th Cent.”], IAAS MSU, April 23, 2013]. *Egipet i sopredelnye strany. Elektronnyy zhurnal* [Egypt and Neighbouring Countries. Online Journal], 2016, vol. 1, pp. 48–52. URL: <http://www.enc-journal.com/index.php/arkhiv-номерov-ru/8-arkhiv/11-vypusk-1-arkhiv>
4. Voytenko A.A. *Patriarshestvo Petra IV i Damiana kak vremya genezisa Koptskoy Tserkvi: problemy i predlagaemye resheniya* [The Time of Patriarchs Peter IV and Damian as the Nodal Point of the Genesis of the Coptic Church: Problems and

Proposed Solutions]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 304-317. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.22>

5. Voytenko A.A. Egiptyane i Vizantiya. K voprosu o politicheskoy subyektivnosti v pozdney Antichnosti [Egyptians and Byzantium. On the Question of Political Subjectivity in Late Antiquity]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 156-170. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.12>

6. Voytenko A.A. Etapy i mekhanizmy konfessionalnogo razmezhevaniya v period khristologicheskikh sporov (Egipet i Siriyskiy Vostok) [Stages and Mechanisms of Confessional Demarcation in the Period of Christological Disputes (Egypt and the Syriac Orient)]. Maslov A.A., ed. *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie i afrikanistika (Moskva, 14–22 aprelya 2022 g): materialy nauch. konf.* Moscow, ISAA MGU Publ., 2022, pp. 402-404.

7. Levchenko M.V. Venety i prasiny v Vizantii v V–VII vv. [Blues and Greens in Byzantium in the 5th–7th Cent.]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1947, vol. 1 (26), pp. 164-183.

8. Lipshits E.E., ed. Nikifora patriarha konstantinopolskogo kratkaya istoriya so vremeni posle tsarstvovaniya Mavrikiya [Nikephoros, Patriarch of Constantinople, Short History]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1950, vol. 3 (28), pp. 349-387.

9. Fikhman I.F. *Vvedenie v dokumentalnuyu papirologiyu* [Introduction to Documentary Papyrology]. Moscow, Nauka Publ.; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1987. 524 p.

10. Frantsouzoff S.A. Khronika Ioanna Nikiusskogo: nekotorye osobennosti yazyka i sodержaniya [The Chronicle of John of Nikiou: Some Peculiarities of Its Languages and Contents]. *Vestnik PSTGU III: Filologiya* [St. Tikhon's University Review. Series III. Philology], 2010, vol. 4 (22), pp. 77-86.

11. Allen P., Neil B., eds. *Scripta saeculi VII vitam Maximi Confessoris illustrantia*. Turnhout, Brepols; Leuven University Press, 1999. 250 p. (Corpus Christianorum. Series graeca; 39).

12. Booth Ph. Shades of Blues and Greens in the Chronicle of John of Nikiou. *Byzantinische Zeitschrift*, 2011, vol. 104, pp. 555-601.

13. Booth Ph. The Muslim Conquest of Egypt Reconsidered. *Travaux et mémoires*, 2013, t. 17, pp. 639-670.

14. Booth Ph. The Last Years of Cyros, Patriarch of Alexandria († 642). *Travaux et mémoires*, 2016, t. 20/1, pp. 509-558.

15. Brown P. *Society and the Holy in Late Antiquity*. Berkeley; Los Angeles (CA), University of California Press, 1989. 347 p.

16. Butler A. *The Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of Roman Dominion*. Oxford, The Clarendon Press, 1902. XXIII, 564 p.

17. Whitby M., Whitby M., eds. *Chronicon Paschale 284–628 AD*. Liverpool, Liverpool University Press, 1989. XXIX, 239 p.

18. Boor K. de, ed. *Theophanis Chronographia. Vol. 1*. Leipzig, Teubner, 1883. VIII, 503 p.

19. Jarry J. L'Égypte et l'invasion musulmane. *Annales islamologiques*, 1966, vol. 6, pp. 1-29.

20. Halkin F., ed. *Sancti Pachomii Vitae Graecae*. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1932. 474 p. (Subsidia hagiographica; 19).

21. Leipoldt I, ed. *Sinuthii Archimandritae vita et opera omnia. III*. Paris, Typ. Reipublicae, 1908. 270 p. (CSCO. Scriptorum copticorum; II, 4).

22. Mango C., ed. *Nikephoros, Patriarch of Constantinople, Short History*. Washington DC, Dumbarton Oaks, 1990. 247 p. (CFHB; 13).

23. Métivier S. *La Cappadoce (IVe–VIe siècle). Une histoire provinciale de l'Empire romain d'Orient*. Paris, Éditions de la Sorbonne, 2005. 496 p.

24. Richard M., Munitiz J.A., eds. *Anastasioi Sinaitae Quaestiones et Responsiones*. Turnhout, Brepols, 2006. LXI, 287 p. (Corpus Christianorum. Series graeca; 59).

25. Charles R., ed. *The Chronicle of John, Bishop of Nikiou*. London, Williams and Norgate, 1916. XII, 216 p.

Information About the Author

Anton A. Voytenko, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 29, Bld. 8, 119071 Moscow, Russian Federation, cesras@cesras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3895-9909>

Информация об авторе

Антон Анатольевич Войтенко, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр египтологических исследований РАН, просп. Ленинский, 29, стр. 8, 119071 г. Москва, Российская Федерация, cesras@cesras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3895-9909>